

РОДНЯ

ЖИЗНЬ, ЛЮБОВЬ,
ИСКУССТВО И СМЕРТЬ
НЕАНДЕРТАЛЬЦЕВ

KINDRED

NEANDERTHAL LIFE, LOVE, DEATH AND ART

Rebecca Wragg Sykes

B L O O M S B U R Y S I G M A
LONDON · OXFORD · NEW YORK · NEW DELHI · SYDNEY

РЕБЕККА РЭГГ САЙКС

РОДНЯ

ЖИЗНЬ, ЛЮБОВЬ,
ИСКУССТВО И СМЕРТЬ
НЕАНДЕРТАЛЬЦЕВ

Перевод с английского

АНО
альпина нон-фикшн

Москва, 2023

УДК 94(100)".../05
ББК 63.3(0)2
Р96

Переводчик Ольга Корчевская
Научный редактор Мария Медникова, канд. биол. наук, д-р ист. наук
Редактор Артемий Дановский

Рэгг Сайкс Р.

Р96 Родня: Жизнь, любовь, искусство и смерть неандертальцев / Ребекка Рэгг Сайкс ; Пер. с англ. — М. : Альпина нон-фикшн, 2023. — 546 с. : ил.

ISBN 978-5-00139-790-8

Ребекка Рэгг Сайкс, британский ученый с огромным опытом в области археологии палеолита, показывает неандертальцев в новом свете, отбросив стереотипные представления об одетых в лохмотья дикарях, шагающих по ледяной пустыне. Они предстают перед нами любознательными знатоками своего мира, изобретательными и легко приспосабливающимися к окружающим условиям. Неандертальцы обитали не только в тундрах и степях, но и в дремучих лесах, и у Средиземного моря. Они успешно выживали во времена масштабных климатических потрясений на протяжении более 300 000 лет. Хотя наш вид никогда не сталкивался с такими серьезными угрозами, мы убеждены в своей исключительности. Между тем в нас присутствует немало ДНК неандертальцев, и многое из того, что нас определяет, было присуще и им: планирование, сотрудничество, альтруизм, мастерство, чувство прекрасного, воображение, а возможно, даже и желание победить смерть. Только поняв неандертальцев, мы можем по-настоящему понять самих себя.

УДК 94(100)".../05
ББК 63.3(0)2

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети интернет и в корпоративных сетях, а также запись в память ЭВМ для частного или публичного использования, без письменного разрешения владельца авторских прав. По вопросу организации доступа к электронной библиотеке издательства обращайтесь по адресу tylib@alpina.ru

ISBN 978-5-00139-790-8 (рус.)
ISBN 978-1-4729-3749-0 (англ.)

© Rebecca Wragg Sykes, 2020
This translation is published by arrangement with
Bloomsbury Publishing Plc
© Издание на русском языке, перевод,
оформление. ООО «Альпина нон-фикшн», 2023

Содержание

Об именах	7
Введение.....	9
Глава 1. Шоу начинается.....	19
Глава 2. Река побеждает дерево	39
Глава 3. Тела растущие.....	49
Глава 4. Тела живые	73
Глава 5. Лед и пламя	101
Глава 6. Камни остаются.....	121
Глава 7. Материальный мир	153
Глава 8. Ешь и живи.....	177
Глава 9. В гостях у неандертальца.....	223
Глава 10. Мир вокруг.....	259
Глава 11. Красивые вещи.....	311
Глава 12. Разум внутри.....	347
Глава 13. Такая разная смерть.....	367
Глава 14. Братья из прошлого.....	415
Глава 15. Исход.....	439
Глава 16. Вечно любимые	467
Эпилог	501
Благодарности.....	505
Примечания	511
Предметно-именной указатель.....	527

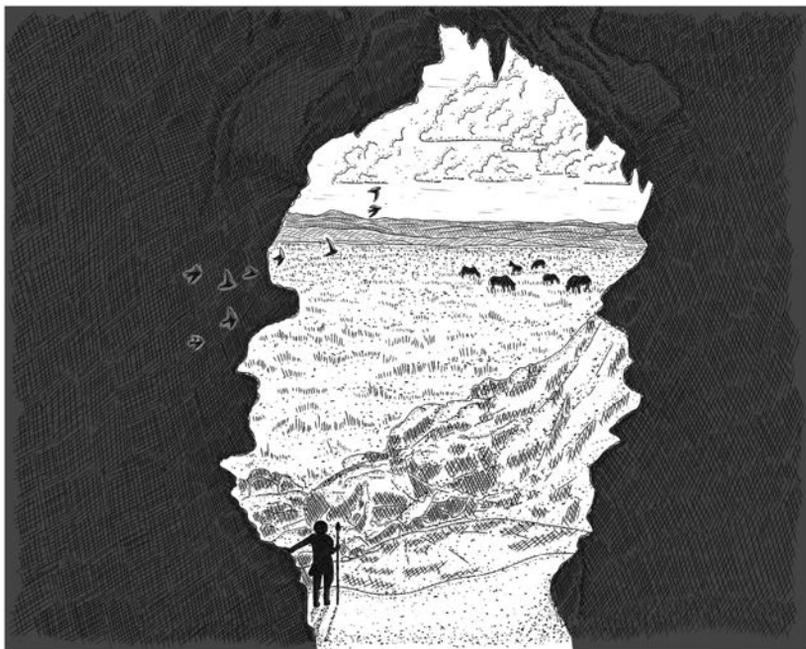
Об именах

Научный мир XIX столетия во многом отличается от научного мира века двадцать первого. Дело не только в кардинальных изменениях аналитических методов, но и в количестве исследований: с 1800 по 1900 г. вышло во много раз меньше научных статей, чем за одно лишь последнее десятилетие. В исчерпывающем повествовании о неандертальцах можно достаточно подробно остановиться на первых археологах, изучавших доисторическую эпоху, — главным образом потому, что их было мало. Кроме того, оценивая личные качества ученых XIX — начала XX в., мы лучше понимаем, какое влияние на науку и общество в целом оказали первые открытия, связанные с неандертальцами.

Однако примерно с 1930 г. количество специалистов по этой теме очень быстро росло, поэтому я приняла решение не указывать конкретных имен, а говорить обобщенно — «археологи» или «исследователи». Меня волновало удобство чтения — по-моему, перечни фамилий и лабораторий читатель обычно игнорирует, — а также краткость изложения. Мне как ученому этот выбор дался непросто, ведь в научных кругах каждое слово принято подкреплять ссылками на источники. Но «Родня» требовала другого стиля, и я стремилась к тому, чтобы в книге о неандертальцах каждое слово что-то значило. В ней просто не хватит места, чтобы перечислить имена всех исследователей с указанием их организаций для каждого археологического памятника или находки.

Вместе с тем я никоим образом не хочу преуменьшить значимость вклада тех людей, чьих имен я не указала, в наши знания о неандертальцах, полученные за последние 80–90 лет. Многие из ученых, не упомянутых в тексте отдельно, были и остаются моими коллегами, а некоторые — и добрыми друзьями. Их имена и публикации приведены в онлайн-библиографии к книге (rebecca.wraggsykes.com/biblio), однако я хочу именно здесь отметить то, что без их преданности делу, упорства, вдохновения и работы в буквальном смысле до седьмого пота эта книга не появилась бы на свет.

Введение

Звук из глубины времен наполняет пещеру. Это не рокот прибоя и не шелест волн — море ушло, когда ударил мороз и горы сморщились под ледяной броней. Среди шероховатых стен едва уловимо дыхание, разгоняющее слабый пульс. Это конец мира неандертальцев — и в географическом, и в хронологическом смысле, — и последний из них наблюдает за тем, как над столь далеким теперь Средиземным морем мерцают первые лучи солнца. Пока небо цвета темного кремня светлеет с восходом, мягкое воркование голубей смешивается с причитаниями растерянных чаек, плачущих, словно голодные дети. Только ни младенцев, ни взрослых больше нет. Не осталось никого, кто сел бы рядом и смо-

трел, как исчезают звезды; никого, кто дождался бы, как последний вздох растает в холодном воздухе.

Спустя 40 000 лет, когда вновь поднялись океаны, а воздух стал солоноватым, в той же самой пещере звучат голоса и льется музыка — реквием по мечте предков.

Пещера Горамы, Гибралтар, 2012 год. Археологи и антропологи каждый год собираются в этом напитанном пьянящими ароматами месте на южной оконечности Европы на одной из многочисленных конференций, посвященных неандертальцам. Но в этот раз произошло кое-что особенное. Среди гостей, посетивших огромные пещеры, похожие на кафедральные соборы, был музыкант Кид Кома, он же профессор биологии Дуг Ларсон. Перебирая струны гитары, он пел песню «Последний выживший»: самые поздние следы неандертальцев были найдены на Пиренейском полуострове, в этих самых пещерах. На несколько минут, пока его голос звучал в огромном каменном зале, отступило на задний план волнение в связи с предстоящими докладами, умолкли горячие споры о теориях и нюансах классификации каменных орудий. Коллеги, внезапно охваченные присущим человеку желанием соединиться с далеким прошлым, просто слушали. Вы тоже можете испытать это странное, волнующее чувство — кто-то снял выступление, и теперь оно есть на YouTube.

Та серенада погребенным в земле тысячелетиям ярким лучом высвечивает людей, на которых держится наука. Прислушав серьезные и беспристрастные доклады, коллеги (а они одновременно и друзья) перемещаются в кафе и бары, где ведут более свободные — даже пылкие — обсуждения, строят предположения и догадки. Беседуют об «археологических памятниках мечты», давно известных или еще не открытых; но все так или иначе возвращаются к вопросу о том, смо-

жем ли мы когда-нибудь разглядеть еле уловимые очертания повседневной жизни неандертальцев.

Эта книга дает представление о тех дискуссиях. Она написана для тех, кто слышал о неандертальцах, и для тех, кто о них не слышал; для терзаемых смутным любопытством и для искушенных любителей; даже для ученых, которым посчастливилось заниматься исследованиями тех самых времен. Потому что задача становится все грандиознее: на извилистых путях, проложенных сквозь данные и теории, то и дело возникают новые факты, заставляя уходить в сторону или даже разворачиваться в обратном направлении. Огромный объем информации с трудом поддается обработке: мало кто из специалистов успевает прочитать каждую вновь вышедшую статью по своей теме, не говоря уже обо всех научных публикациях о неандертальцах. Новые открытия могут произвести неизгладимое впечатление даже на самых опытных исследователей.

Повышенное внимание и изобилие материалов объясняются тем, что проблема неандертальцев важна — и всегда была важна. Ни один другой вымерший человеческий вид не сравнится с ними в известности. Это настоящие звезды среди наших древних родственников (гоминин): о важных находках кричат обложки главных научных журналов и заголовки ведущих СМИ. Наш к ним интерес не демонстрирует признаков ослабления: по данным Google Trends, запрос «неандертальцы» в поисковиках обогнал по популярности «эволюцию человека». Впрочем, эта слава — палка о двух концах. Редакторы знают, что неандертальцы — хорошая приманка, и привлекают читателей пикантными материалами, поданными под соусами вроде «Неандертальцы вымерли из-за [вставьте что угодно]!» или «Неандертальцы не так глупы, как мы думали!».

Ученые, готовые рассказывать о результатах своей работы, испытывают разочарование от постоянных и противоречивых спекуляций на теме антропогенеза, из-за чего кажется, что специалисты запутались в собственных идеях. Наука заведомо

идет путем соперничества; при этом новые данные и теории свидетельствуют не о неуверенности исследователей, а об их невероятно активной деятельности. Более того, само сочетание «новости о неандертальцах» становится клише, а это значит, что среднестатистический человек так никогда и не услышит о самых интересных открытиях современности.

Всю картину целиком охватить тоже непросто, поскольку с 1856 г., когда найденные в Германии необычные ископаемые останки предварительно отнесли к ископаемому предку человека, она кардинально изменилась. Ученые находили все больше следов подобных существ, и к Первой мировой войне растущее число костей неандертальцев со всей очевидностью показало, что, помимо нас, Земля дала жизнь многим нашим братьям и сестрам. Внимание привлекли и массовые находки разнообразных каменных орудий, после чего началось серьезное исследование неандертальской культуры. Ключевым фактором стала сама эпоха: к середине XX в., благодаря развитию методов датирования и геологической хронологии, археологические памятники, ранее «плавающие» во времени и широко разнесенные в пространстве, оказались связаны между собой. Семь десятилетий спустя мы на заложенном в те годы фундаменте знаний исследуем грандиозную панораму неандертальского мира, протянувшегося на тысячи километров и просуществовавшего более чем 350 000 лет.

И все же археология XXI в. бесконечно далека от своих истоков и, пожалуй, больше напоминает фантазии футуролога Викторианской эпохи. Для реконструкции древнего прошлого в распоряжении первых исследователей доисторического периода были в основном камни и кости. Современные же исследователи в своей работе используют методы, о существовании которых их предшественники еще не знали. Лазерное сканирование, фиксирующее облик всего памятника целиком, пришло на смену выполненным тушью чертежам, а специалисты теперь изучают предметы, которые сто лет назад никто

даже и не мечтал обнаружить. От рыбьих чешуек и бородок птичьих перьев до собственной истории отдельно взятого кострища — получить ценные сведения можно с помощью как микроскопа, так и мастерка.

Мы можем словно заглянуть через плечо неандертальца и увидеть, как 45 000 лет назад булыжник за несколько минут превращался в острый отщеп. Некогда статичные, археологические данные приобретают динамику: мы видим, как орудия перемещаются по стоянкам и поглощаются ландшафтом. Нам по силам даже выяснить их происхождение вплоть до конкретного месторождения. Также теперь стало возможным получить весьма подробные данные об организмах неандертальцев. Взять хотя бы зубы: мы можем изучить линии ежедневного прироста, по мельчайшим потертям эмали оценить диету и даже восстановить химический состав проникшего в зубные отложения дыма от костров.

Этим обилием информации и обусловлено возрождение интереса исследователей к неандертальцам в последние три десятилетия. Поразительные находки парадом прошли по заголовкам журналов, в корне изменив основы нашего понимания того, где и когда жили неандертальцы, каким образом они использовали орудия, чем питались и каковы были символические аспекты их мира. Пожалуй, удивительней всего то, что из ничем не примечательных фрагментов костей извлекаются некогда исчезнувшие истории межвидовой любви, а в горстке пещерного грунта можно найти и выделить целые геномы.

Умные машины позволяют добыть терабайты данных из всего, что только можно вообразить, но этого недостаточно. Археологи знают, насколько важна форма объекта для понимания его содержания. В течение тысяч лет все предметы подвергались разрушению и старению, в результате чего дошли до нас в виде фрагментов. Прежде чем увлечься анализом, крайне важно зафиксировать положение артефактов, восста-

новив структуру каждого содержащего их слоя. Разлетевшиеся в стороны обломки, которые можно вновь соединить, особенности почвы, углы между поверхностями кремневых отщепов или степень воздействия природных условий на сохранность костей — все имеет значение для «расшифровки» информации об археологическом памятнике. Из таких осколков, нередко перепутанных между собой, мы и должны собрать историю.

Пока археологи с энтузиазмом продолжают раскопки, один полевой сезон приносит в среднем десятки и сотни тысяч тщательно отобранных предметов, каждый из которых нужно помыть, промаркировать и упаковать в отдельный пакетик. Со всей информацией о своем происхождении они хранятся также в цифровом виде внутри объемных баз данных, представляя собой бесценный ресурс, позволяющий изучать взаимосвязи между геологией, окружающей средой и поведением гоминин. Такое же повышенное внимание мы стали уделять и собраным в прошлом музейным коллекциям. Все чаще «классические» памятники — некоторые из них ежегодно посещают тысячи туристов — раскрывают новые и порой неожиданные тайны благодаря повторному исследованию с использованием новейших методов. Все это в совокупности позволяет нам ответить более точно, чем когда-либо прежде, на фундаментальные вопросы, например: «Чем питались неандертальцы?»

При этом даже краткий экскурс в неандертальскую диетологию показывает, насколько обманчиво прост этот вопрос. Дело не только в том, что существует множество материалов и методов для исследований: можно сравнивать пропорции костей животных, изучать под микроскопом степени стачивания зубов и следы использования каменных орудий или проводить химический и генетический анализ сохранившихся остатков пищи и окаменелостей. Для обоснованных предположений о том, как формируются памятники, требуется очень тщательное изучение рациона. Даже там, где полно костей животных, покрытых следами разделки каменными орудиями, картина не всегда

ясна. Археологи прошли долгий путь, прежде чем стали учитывать, например, роль других хищников или то, что разложение разных частей тела происходит с разной скоростью.

Но по мере продвижения вперед общая картина меняется. Выяснилось, что меню состояло не только из крупных животных. Следующий вопрос: а все ли неандертальцы ели одну и ту же пищу, во все времена и повсюду? Всё в жизни неандертальцев было взаимосвязано, и переплетений с другими фундаментальными вопросами предостаточно: сколько еды требовалось их организмам? Подвергали ли они пищу тепловой обработке? Как они охотились? Насколько обширными были территории их обитания? Какими были их социальные взаимоотношения? С каждым вопросом становится все сложнее и сложнее.

В процессе систематизации множества артефактов и археологических памятников нужно смотреть вширь и вглубь, возводя мосты между временами и территориями. Жизнь неандертальцев проходила в четырех измерениях, так что, если мы реконструируем мельчайшие подробности их охоты на северных оленей в одном месте, мы должны думать также о том, чем они занимались в другом месте — и в другое время. Существует много разных памятников от непонятных скоплений камней вокруг скелетов до бесчисленных костей в мощных зольных напластованиях — следов погребальных костров сотен животных. Такое разнообразие заставляет нас учитывать причудливые временные ритмы прошлого: в зависимости от того, как формируются слои, два равных по толщине слоя отложений могут представлять и один день, и 10 000 лет. Есть хорошие методы для датирования отдельных предметов, если, конечно, мы уверены, что эти предметы не перемещались между слоями. Вся информация, извлеченная из отдельных артефактов, слоев или объектов целиком, собирается в общую картину, обнаруживая взаимосвязь между различными подходами к неандертальской действительности.

Люди редко задумываются о таких тонкостях, обсуждая неандертальцев или даже пытаясь проникнуть в проблему. Большинство имеют о них самое общее представление и почти не разбираются в научных деталях. Более того, образ неандертальцев зачастую связан с вечной мерзлотой и мамонтами. Между тем существовал другой неандертальский мир, выходящий за рамки устойчивых стереотипов о зябнущих фигурах в обледенелых шкурах, едва дождавшихся появления *Homo sapiens*, чтобы сразу после этого отдать концы. Несмотря на более широкий, чем когда-либо ранее, доступ к научным данным — есть и ученые, готовые напрямую общаться в социальных сетях, и онлайн-трансляции конференций для всех желающих, — объективные и по-настоящему современные представления сформировать трудно из-за слишком мощного потока новых данных и сложности их интерпретации. Особо яркие, интересные находки привлекают внимание журналистов новостных каналов и захватывают врасплох даже ученых, однако внешне эффектные сюжеты не всегда так уж интересны. Тщательно аргументированные теории и дебаты, длящиеся десятилетиями, сенсаций в прессе не вызовут, но именно так возникают самые удивительные выводы о жизни неандертальцев.

На самом деле, в большинстве случаев на самые значимые изменения в представлениях влияют какие-то мелочи. По мере накопления данных поле зрения расширяется, и разрыв между «нами» и «ними» становится все меньше. Благодаря этому постепенному процессу выяснилось, что неандертальцы производили орудия из разных материалов, а не только лишь из камня; они использовали минеральные красители и собирали предметы вроде раковин и орлиных когтей... и, значит, что-то знали об эстетике. Кроме того, неандертальцы оказались разнообразнее, чем мы думали: они не безликие представители одного из видов гоминин, а обитатели мира, размерами и богатством не уступавшего Римской империи. Гранди-

озная протяженность этого мира во времени и пространстве подразумевает культурное многообразие, сложность и эволюцию. Благодаря своему разнообразию и способности к адаптации неандертальцы успешно выжили как в затерянных краях, где ледники толщиной в километр соседствовали с тундрой, так и в жарких лесах и пустынях, на побережьях и в горах.

За 160 лет, прошедших после обнаружения (точнее, переобнаружения) неандертальцев, наша одержимость ими не ослабла. Эта история любви длится дольше человеческой жизни, но если сравнивать с тем огромным периодом, в течение которого они ходили по Земле — щурились от лучей восходящего солнца, дышали полной грудью, оставляли следы в грязи, на песке и снегу, — то на Великом циферблате истории за это время едва успела дрогнуть секундная стрелка. Наши представления о них постоянно меняются, причем это касается как обывателя, ищущего в интернете ответ на вопрос, являются ли неандертальцы людьми, так и тех, кто ежедневно работает с их останками. Неандертальцы преобразуются у нас на глазах, каждое открытие подпитывает наше смешанное со страхом стремление знать, кем в действительности были эти древние люди. Что самое странное, они не могли и предположить о своей посмертной судьбе: вплетенная за эти почти двести лет в нашу науку и популярную культуру, теперь их история будет частью нашего далекого будущего.

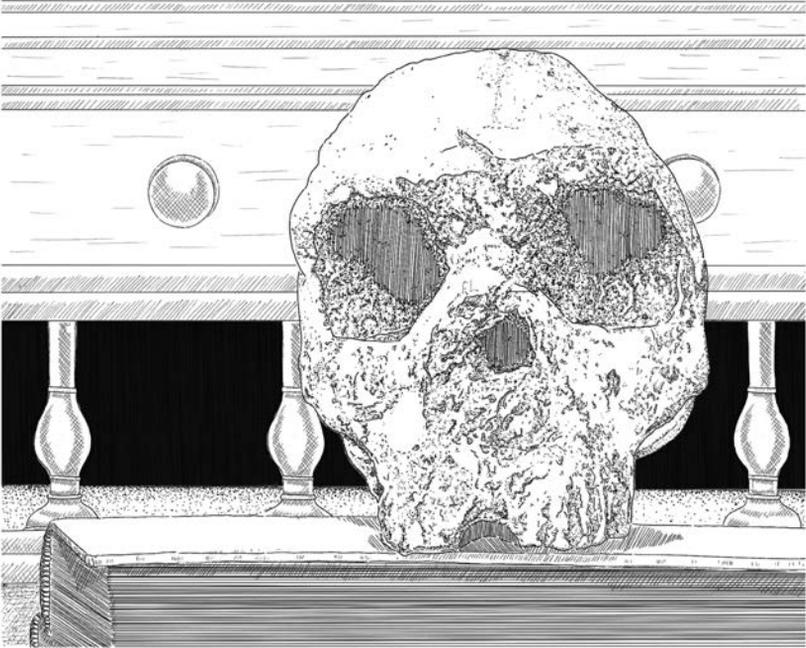
На оставшихся страницах этой книги нарисован портрет неандертальцев на основе знаний XXI в.: это не жалкие неудачники с засохшей ветви генеалогического древа, а вероятно приспособленные и даже успешные наши дальние родственники. Вы читаете эту книгу, потому что они вам небезразличны, как и возникающие в связи с этим серьезнейшие, важнейшие вопросы: кто мы такие, откуда мы пришли и куда движемся.

Всматривайтесь в тени, вслушивайтесь в послезвучия; они могут рассказать о многом. Не только о других путях эволюции

человека, но и о том, как взглянуть на самих себя по-новому. Самое замечательное в неандертальцах то, что они имеют отношение ко всем нам и они — не тупиковое явление, которое можно рассматривать исключительно в прошедшем времени. Они здесь, пока мои пальцы печатают слова, а ваш мозг их воспринимает.

Продолжайте чтение, знакомьтесь со своими сородичами.

Шоу начинается

Грязный песок скрипит под ногами — мы стоим на крыше космоскреба головокружительной высоты. Вавилонянам такое и не снилось. Эта трехсоткилометровая башня выросла из земли, как суперсталагмит, по метру за каждый год истории человечества. Международная космическая станция стремительно пролетает над ней — глазом не успеешь моргнуть. Загляни за край крыши, и увидишь, как из тысяч отверстий по всей высоте башни струится свет. Ближе к нам расположены сияющие светодиодами окна квартир, но, если посмотреть вниз — в глубь веков, — освещение изменится. После янтарных переливов люминесцентных ламп глаза постепенно привыкают к свету газовых

фонарей, которым, в свою очередь, предшествует огромный хор свечей.

Нужно прищуриться, чтобы различить тусклое мерцание еще ниже. Это отблески десятков тысяч глиняных светильников, чад от них окутывает башню, но мы все еще не достигли глубин истории человечества. Ты достаем небольшой телескоп, и твои зрачки расширяются, жадно улавливая отблески древних огней. Взгляд проникает сквозь 30 км дрожащего пламени очагов, но нам нужно еще десять раз по столько же — на 300 000 лет назад. Свет и тень трепещут и сплетаются, отражаясь на каменных стенах, пока не остается лишь тьма, в которой теряется счет годам.

Время коварно. То оно бежит пугающе быстро, то течет так медленно, что кажется нам грузом, тяжесть которого измеряется в ударах сердца. Жизнь каждого человека полна воспоминаний о прошлом и вдохновляется мечтой о будущем, пусть живем мы в непрерывном потоке «настоящего». Мы — существа, влекомые течением времени, хоть и способные, вынырнув, осознать свое бессилие перед этой стремительной рекой. Дело не в расчетах или измерениях; в современной науке вычисления ведутся с уму непостижимой точностью, идет ли речь о возрасте Вселенной или о планковском времени¹. Но полноценное осмысление масштаба времени на эволюционном, планетарном, космическом уровнях все так же остается практически невозможным — мы как те первые геологи, потрясенные догадкой об истинном возрасте Земли. Установить связь с прошлым за пределами трех-четырех последних поколений (это та «живая память», в которой ориентируется большинство людей) — задача непростая. Еще сложнее сделать это в отношении более древних предков. Когда мы разглядываем старые фотографии, очертания реальности кажутся нам размытыми, хотя такой визуальный архив хранит память

всего лишь пары предыдущих поколений. Фотографиям предшествует мир живописных портретов, и прошлое еще сильнее завлакивает пеленой. Осознать ошеломляющую бездну археологического времени гораздо, гораздо труднее.

Преодолеть разрыв между мимолетной реальностью и пучиной времени помогут психологические приемы. Сократив в уме те 13,8 млрд лет, в течение которых существует Вселенная, до одного года, мы удивимся, как близко динозавры окажутся к Христу, а первые *Homo sapiens* и вовсе появятся за несколько минут до рождественского фейерверка. Но гигантские, зияющие пропасти на линии времени никак не связаны между собой на такой наглядной шкале. Кое-что расставят по местам неожиданные сопоставления: к примеру, от Клеопатры до высадки на Луне прошло меньше времени, чем от строительства пирамид в Гизе до Клеопатры. Но это события всего лишь нескольких тысяч лет от наших дней. А если взять палеолит — археологическую эпоху перед последним ледниковым периодом, — то результаты окажутся более ошеломительными. Скачущие быки из пещеры Ласко ближе по времени к фотографиям в вашем телефоне, чем к изображениям лошадей и львов в пещере Шове. А где же место неандертальцев? За ними придется отправиться в еще более глубокое прошлое, чем те времена, когда чей-то палец выводил на каменных стенах силуэты животных.

Когда появился «первый» неандерталец, точно установить невозможно; отдельной популяцией они стали 450 000–400 000 лет назад. Ночное небо, нависавшее тогда над множеством вариантов гоминин, показалось бы нам чужим — наша Солнечная система в бесконечном галактическом вальсе сместилась на световые годы. К концу первой половины времени доминирования неандертальцев на планете — примерно через 120 000 лет от его начала — земля и реки в основном узнаваемы, однако ощущения от мира совершенно иные. Воздух теплее, а воды, образующиеся в результате таяния льдов в океанах,

затопили сушу, из-за чего берега поднялись на много метров выше. Удивительно, но тропические животные бродят даже по огромным долинам Северной Европы. В общей сложности неандертальцы продержались впечатляющие 350 000 лет — и на отметке примерно 40 000 лет назад мы теряем их (или, по крайней мере, их окаменелые останки и артефакты) из виду.

Это было так давно, что не укладывается в голове. Но дело не только во времени: неандертальцы, помимо прочего, занимали необычайно обширное пространство. Будучи скорее евразийцами, чем европейцами, они жили на территориях от северного Уэльса до границ Китая, а в южном направлении — до пустынь Аравийского полуострова.

Чем больше мы узнаем о неандертальцах, тем разнообразнее и сложнее возникающая перед нами картина. За всем не уследишь: раскопаны тысячи археологических памятников. Поэтому мы будем держаться ориентиров — ключевых объектов, отражающих знаковые моменты истории неандертальцев, — и одновременно смотреть шире, учитывая необъятность темы. Некоторые из памятников — например, грот Абрик Романи в Испании или Денисова пещера в Сибири — рассказывают о невероятных открытиях нашего века. Другие, подобно гроту Ле Мустье в самом сердце региона Перигор на юго-западе Франции, иллюстрируют хроники жизни неандертальцев, переплетенные с историей самой археологии как науки. В этом гроте обнаружены чрезвычайно важные находки — два скелета, о которых мы еще поговорим позже, — а также каменные артефакты², позволившие отнести объект к характерным памятникам неандертальской культуры. Грот Ле Мустье был свидетелем исследований, длившихся более века, принимал в своих стенах целый ряд ученых, а незадолго до Первой мировой войны даже стал источником значительных геополитических проблем. Однако история с неандертальцами начинается не в Ле Мустье и не во Франции 1914 г. Нам нужно отступить еще на пять десятилетий назад, в 1850-е гг.

Точка отсчета

Все любят истории из серии «А как вы познакомились?». Замысловатый рассказ о наших отношениях с неандертальцами состоит из озарений и недоразумений: он рожден промышленной революцией, опален войнами, сияет блеском потерянных и найденных драгоценностей. Начиная с забытых ныне встреч десятки тысячелетий назад, когда мы увидели друг в друге людей, и до сравнительно недавнего открытия этих древних родственников наша страсть не ослабевает. Будь у нас машина времени, мы бы устремились обратно в плейстоцен³, чтобы пройтись по инею и услышать дыхание мамонта. Но, чтобы ясно увидеть и начало, и конец этой грандиозной и запутанной истории, начинать нужно с середины.

Давайте перенесемся всего на пять-шесть поколений назад и посмотрим, как зарождалась наука, изучающая эволюцию человека. Будучи изначально нарциссической (как-никак дитя викторианского мировоззрения), она всегда касалась вопросов о том, кто мы такие и в чем наше предназначение. В условиях величайших, до той поры невиданных социально-экономических потрясений ученые XIX в. размышляли над диковинными костями, обнаруженными в европейских пещерах. С самого начала было ясно одно: неандертальцы породили нескончаемые споры о том, что значит быть человеком. На свете не так много фундаментальных, выходящих за рамки простого любопытства вопросов, ответы на которые имеют столь большое значение. Выяснив, каким образом первые исследователи доисторического периода решали проблему классификации этих неоднозначных существ, мы сможем понять противоречивость сведений о неандертальцах и объяснить, с чем связаны сохраняющиеся по сей день предрассудки.

Эта история началась в конце лета 1856 г. Карьеры, в которых активно велась добыча мрамора и известняка, постепенно добрались до глубокого ущелья, расположенного в краси-

вейшем месте к юго-западу от Дюссельдорфа. Ближе к вершине скалы находилась пещера, известная как грот Фельдхофер. Она была заполнена тяжелыми, плотными отложениями, для удаления которых требовалось проведение взрывных работ. Внимание одного из владельцев карьера привлекли крупные кости, извлеченные рабочими из грота. Будучи членом местного общества естественной истории, он предположил, что кости могут принадлежать вымершим животным и представлять научный интерес, поэтому решил не выбрасывать этот разношерстный набор, включающий — что особенно важно — черепную крышку. Место находки посетил Иоганн Карл Фульрот, основатель общества, определивший, что кости принадлежат человеку. Он отметил и то, что кости успели окаменеть, а значит, были очень древними⁴.

Судя по всему, находка из Фельдхофера поразила воображение местной общественности, а после сообщений в прессе загадочными костями заинтересовались ученые, занимающие более высокие ступени в интеллектуальной иерархии. В начале 1857 г. гипсовый слепок черепной крышки выслали в Бонн анатому Герману Шафхаузену, который, к счастью, не исключал того, что кость может принадлежать человеку. Сами окаменелости в конце концов также были упакованы в деревянный ящик и в сопровождении Фульрота отправились в Бонн по железной дороге, построенной всего десять лет назад. Окинув кости опытным взглядом, Шафхаузен сразу отметил их массивность — особенно это касалось черепа. В то же время другие признаки, к примеру покатый лоб, напомнили ему об обезьянах. Учитывая их явно древний возраст и пещерное происхождение, он склонялся к тому, что это останки примитивного человека. Тем летом они с Фульротом представили свои находки на заседании Общества естественной истории провинций Рейнланд и Вестфалия. Всего через несколько лет после этого неофициального дебюта в обществе еще более счастливая случайность позволила спасенным костям первы-

ми среди ископаемых человеческих останков обрести научное название — *Homo neanderthalensis*.

Сегодня слово «неандерталец» знакомо всем, меж тем его история полна необычайных совпадений. Долина Неандерталь (букв. «долина Неандера»), где изначально покоились кости, была названа в честь Йоахима Неандера, педагога, поэта и композитора, жившего во второй половине XVII в. Будучи кальвинистом, он, бывало, черпал религиозное вдохновение в природе, в том числе во время прогулок в глубокой долине реки Дюссель. Живописные пейзажи этого места — утесы, пещеры, скальные арки — так полюбились художникам и романтически настроенным путешественникам, что вокруг него выросла целая туристическая индустрия. Йоахим Неандер умер в 1680 г., но оставил достойное наследство — его знаменитые гимны даже были исполнены три столетия спустя во время празднования бриллиантового юбилея правления королевы Елизаветы II. К началу XIX в. в его честь назвали одно из ущелий — Неандерхёле, — а еще через несколько десятилетий сам Йоахим уже не узнал бы этих мест. В результате активной разработки карьеров узкие теснины исчезли, а образовавшаяся долина стала именоваться Неандерталь. Вот что удивительно: изначально семья Йоахима носила фамилию Нойман, но, следуя моде на классические имена, его дед изменил ее на греческий лад — Неандер. Оба слова — «Нойман» и «Неандер» — в буквальном переводе означают «новый человек». Разве можно было подобрать более подходящее название для места, где впервые обнаружили новый вид человека?

Даже если с точки зрения анатомии все было очевидным, все-таки требовалось доказательство того, что кости действительно очень древние. Фультрот и Шафхаузен вернулись в карьер и побеседовали с рабочими, которые подтвердили, что останки лежали на глубине около 0,5 м (2 фута) в ненарушенном слое глины. В гибридной библейско-геологической трактовке Фультрота это указывало на времена до Великого пото-

па, то есть на чрезвычайно древний возраст скелета. Это придало первооткрывателям уверенности, и они опубликовали резонансное заявление о том, что до *Homo sapiens* существовал некий впоследствии исчезнувший человеческий вид. Кстати, еще одно совпадение: в том же 1859 г. научное сообщество испытало подобное потрясение от теорий естественного отбора Дарвина и Уоллеса. Но по-настоящему оглушительный успех находку из Фельдхофера достиг лишь два года спустя, когда замечательный биолог Джордж Баск перевел с немецкого оригинальную статью.

Сегодня о нем мало кто знает, но в XIX в. Баск был одним из ярких представителей научной элиты и интересовался столь разнообразными областями знания, что сейчас это кажется невозможным, а тогда такая универсальность была присуща многим ученым. Будучи членом Геологического общества, президентом Этнографического общества, а к 1858 г. — секретарем секции зоологии Линнеевского общества (передового научного общества по изучению биологии), в 1861 г. Баск перевел и прокомментировал статью о находке из грота Фельдхофер. Он отметил, что принадлежность человеческих останков к периоду глубокой древности была убедительно доказана артефактами, обнаруженными в разных местах рядом с вымершими животными, и особое внимание обратил на сравнение обнаруженного черепа с шимпанзе. Кроме того, он указал на насущную потребность в продолжении поисков подобного материала.

На самом деле такие находки ранее уже встречались, однако не были правильно распознаны. Человечество тысячелетиями не вспоминало о своих давно утраченных родственниках, а затем, в первой половине XIX в., — как автобусы на остановку — один за другим явились сразу трое кузенов. Череп первого из них в 1829 г. попал в руки Филиппа-Шарля Шмерлинга — одного из растущего числа любителей «окаменелостей», имевшего притом медицинское образование. В пещере Анжи (Бельгия) он обнаружил человеческие кости. Вместе с остан-

ками других животных и каменными орудиями они лежали под полуметровым слоем сцементированных обломков породы⁵.

Несмотря на свою необычную продолговатую форму, череп из Анжи* большого внимания не привлек, потому что принадлежал ребенку: как и мы, юные неандертальцы должны были «дорости» до взрослого состояния. Череп взрослого индивида из грота Фельдхофер выглядел массивнее, к тому же вместе с ним обнаружались и другие части тела⁶. Ребенку из Анжи пришлось ожидать идентификации до начала XX в., однако, к счастью для Баска, на территории, контролируемой Великобританией, нашли другого неандертальца — на этот раз взрослого.

В 1848 г. в Гибралтаре в руки офицера с поразительно соответствующей случаю фамилией — Флинт** — попал череп. Дело снова было в добыче известняка (на этот раз для укрепления британских фортификационных сооружений), однако благодаря служебному положению лейтенанта Эдмунда Флинта и его увлечению естественной историей находку не выбросили⁷.

Гибралтарская скала вздымается ввысь, как гигантский зуб гиены. Ее флора и фауна привлекали внимание увлеченных любителей природы из числа сослуживцев Флинта, а он сам был секретарем их научного общества. В протоколе заседания от 3 марта 1848 г. зафиксировано его выступление с демонстрацией «человеческого черепа», найденного в карьере Форбса, выше места размещения артиллерийской батареи XVIII в. Без сомнений, офицеры передавали находку из рук в руки, вглядывались в огромные глазницы, но, помимо того что череп (в отличие от фельдхоферского) был практически цел, ничего выдающегося, судя по всему, в нем не увидели. Возмож-

* В отечественной литературе можно встретить вариант написания «Энгис». — *Прим. науч. ред.*

** Flint — кремь, кремневое орудие (*англ.*). — *Прим. пер.*

но, детали скрывались под слоем отложений, но неспособность «увидеть» его экзотическую форму следует отметить особо.

Череп из карьера Форбса оставался неприметным экспонатом в коллекции офицерского научного общества, пока в декабре 1863 г. его среди других предметов не увидел Томас Ходжкин⁸, врач и любитель этнографии, посетивший Гибралтар. По всей видимости, он читал выполненный его другом Баском перевод сообщения о находке из грота Фельдхофер, поэтому и заметил нечто особенное в черепе, который к этому времени, вероятно, находился на попечении капитана Джозефа Фредерика Броума, уважаемого гибралтарского антиквара и начальника военной тюрьмы. Увлекавшийся геологией и палеонтологией Броум в течение нескольких лет посылал Баску собственные находки, а потому череп из Форбса также отправился в Британию и в июле 1864 г. был доставлен по адресу.

Должно быть, Баск сразу заметил, что большой нос и выдающаяся вперед лицевая часть на удивление схожи с чертами, на которые намекал фельдхоферский череп, включавший лишь черепную крышку с частью края глазницы. Он также понял, что эти исчезнувшие люди, скорее всего, жили на территории «от Рейна до Геркулесовых столбов». Буквально через два месяца череп из Форбса был впервые продемонстрирован ученым, хотя кое-кто удостоился специального предварительного показа. Благодаря замечательной привычке викторианских джентльменов вести переписку нам известно, что череп из карьера Форбса с большой долей вероятности побывал в руках Чарльза Дарвина. Доставил его коллега Баска, палеонтолог Хью Фальконер, поскольку состояние здоровья не позволяло Дарвину самому совершить поездку на торжественную церемонию. Дарвин счел находку «удивительной», однако поскольку он всегда был немногословен, когда дело касалось происхождения человека, то никаких сведений о его реакции на неандертальцев не осталось.

Чтобы установить геологический контекст, в котором находился череп, Баск и Фальконер вернулись в Гибралтар в том же году. Увиденное позволило им уверенно заявить, что это второе из известных чрезвычайно древних «дочеловеческих» существ. Впрочем, предложенное ими название вида *Homo calpicus*⁹ не стало общепринятым. Уильям Кинг, бывший директор музея Хэнкока в Ньюкасле и глава кафедры геологии и минералогии в университете Голуэй, занимался изучением слепков останков из грота Фельдхофер, и предложенное им название было опубликовано, пока найденный в Гибралтаре череп плыл в Великобританию. По действующему в науке правилу первенства мы до сих пор используем название *Homo neanderthalensis*.

Однако наиболее жаркие споры разразились вовсе не по поводу присвоения имени этим необычным ископаемым останкам. Сильный общественный резонанс, вышедший за рамки научного сообщества, был вызван закреплением за ними звания вымерших членов нашего рода, *Homo*. Эта идея, резко противоречившая представлениям западного мира XIX в., натолкнулась на яростное сопротивление¹⁰. С резкой критикой незамедлительно выступил Август Франц Йозеф Карл Майер, вышедший в отставку коллега Шафхаузена, специалист в области анатомии и креационист.

Майер утверждал, что это были останки больного и травмированного — но в остальных отношениях обычного — человека. Чуть позже, в 1872 г., знаменитый биолог Рудольф Вирхов осмотрел кости из грота Фельдхофер и согласился, что анатомические особенности можно объяснить тем, что останки принадлежат страдающему артритом, рахитичному русскому казаку со сломанной ногой и искривленным из-за долгой верховой езды скелетом. Якобы он укрылся в пещере и там умер. Сегодня это звучит до смешного неправдоподобно — и, как ни странно, как раз подчеркивает схожесть костей с человеческими, — но Вирхов пользовался всеобщим уважением в медицинских кругах как основоположник теории клеточной патологии и раз-

работчик первых методик патологоанатомического вскрытия. Наверное, неудивительно, что он связывал анатомию фельдхоферских костей с болезнью и ранением, предположив даже, что тяжелые надбровья сформировались потому, что человек, испытывая хроническую боль, постоянно хмурился¹¹.

Между тем Баск тоже был медиком. За десятилетия службы хирургом в военно-морском флоте он сталкивался с различными травмами, заболеваниями и инфекциями и, несомненно, в той же мере подвергался искушению рассматривать неандертальцев сквозь призму патологий, однако от этого его уберегли знания в области зоологии и опыт в классификации видов¹². Баск был уверен, что строение увиденных им костей невозможно объяснить ни болезнью, ни физической травмой, и с удовлетворением заметил: те, кто отказывается принимать фельдхоферскую находку, должны признать, что хилый казак вряд ли дошел бы до Гибралтара, чтобы там умереть. Эти дебаты продолжились и в XX в., но так или иначе неандертальцы не возникли из тьмы, подобно горящим стрелам неприятеля. В западных интеллектуальных сообществах все чаще высказывались сомнения в том, что мир в точности воспроизводит библейские предания.

Разнообразные естественно-научные открытия, сделанные со времен Средневековья, — от неизвестных континентов до астрономических тел, которые раньше были невидимыми, — привели к перестройке системы знаний и философии. И хотя окаменелости попадались людям на глаза на протяжении тысячелетий, лишь к XVIII в. биологи начали относиться к ним как к некогда жившим существам, которых можно изучать. Ученые обращали все больше внимания на земные глубины: например, уже в 1771 г. была изучена огромная пещера Гайленройт в Германии. Возникло представление о «затерянных мирах», населенных исчезнувшими животными. Богословские теории о цикличности стихийных бедствий ничуть не утратили своего влияния, однако к началу XVIII в. стало очевид-